

О ВЪ ОХОТѢ

въ нижегородской губерніи *).

Охота на звѣря и птицу въ нижегородской губерніи не составляетъ, говоря вообще, правильнаго промысла населенія, а принадлежитъ, за немногими исключеніями, болѣе къ числу случайныхъ сторонъ экономической его дѣятельности. Правда, что промышляютъ охотой на дичь болѣе или менѣе во всѣхъ мѣстностяхъ губерніи, но только въ незначительной степени и преимущественно для домашняго продовольствія. Нѣсколько обширнѣе добыча дичи въ сергачскомъ, макарьевскомъ, балахнинскомъ и семеновскомъ уѣздахъ. Способами къ добыванію дичи служатъ: ловля силками (рыбчиковъ и тетеревовъ) и сѣтями или шаторомъ (утокъ и куропатокъ) ружейная охота съ собакою и безъ собаки на всѣ породы дичи и охота съ ястребомъ на перепеловъ (среди татарскаго населенія сергачскаго уѣзда) и др.

Сбытъ дичи за предѣлы губерніи (въ Москву) производится во время осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ; рыбчика, тетерева и куропатки—въ натуральномъ видѣ и перепеловъ—въ соленомъ, въ деревянныхъ кадочкахъ. Прочія породы дичи болотной, водяной и др., сбываются преимущественно въ Нижнемъ-Новгородѣ и на нижегородской ярмаркѣ.

Сбора пуха или иной переработки дичи, какъ товара, не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ семеновскаго и макарьевскаго уѣздовъ есть такія многорабочія семейства, члены которыхъ—

*) Охота, какъ предметъ одного спорта, по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія; но охота, какъ промыселъ, а также какъ изслѣдованіе этого промысла, или охота, какъ средство для научныхъ цѣлей, охота, какъ часть прикладной зоологій—предметъ, безъ сомнѣнія, достойный полнѣйшаго уваженія. Вотъ почему мы охотно печатаемъ настоящую статью, составленную авторомъ изъ его замѣтокъ, разбросанныхъ въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ («Отчетахъ нижегородскаго общества охоты, «Иллюстрированномъ журналѣ охоты и конноводства» и т. п.) и можемъ только пожалѣть, что ему не удалось доставить намъ собранныхъ уже имъ свѣдѣній объ охотѣ на птицу.—Ред.

одинъ и болѣе—исключительно занимаются или охотою съ ружьемъ, или ловлею сѣтями и силками, или наконецъ простою перекупкою дичи. Эти мелкіе промышленники перепродаютъ ее болѣе крупнымъ на мѣстныхъ рынкахъ, каковы, напр., городъ Семеновъ, села Воскресенское, Боръ и др., или сбываютъ лично имъ извѣстнымъ торговцамъ, которые уже значительными партіями доставляютъ дичь въ Нижній-Новгородъ, откуда рябчики, тетерева и куропатки идутъ въ Москву, а прочая дичь расходится на мѣстѣ. По отношенію къ звѣрю, охота становится прямымъ промысломъ жителей хахальской волости семеновскаго и воздвиженской волости макарьевскаго уѣздовъ. Въ послѣдней, населенной черемисами, нерѣдко охотники, съ наступленіемъ осенняго и зимняго времени, уходятъ въ лѣсъ (лѣсуютъ) на нѣсколько недѣль (отъ 2 до 3); предметами ихъ добычи служатъ: бѣлка, куница, норка, выдра, лисица, заяцъ, рысь, волкъ, медвѣдь, лось и олень. Въ балахнинскомъ уѣздѣ добыча бѣлки, куницы и лося составляетъ (въ нѣкоторыхъ селеніяхъ) значительное матеріальное подспорье для населенія. Употребительные здѣсь способы добыванія бѣлки, куницы и рыси—ружейная охота съ собаками (ищейками); зайцы, лисицы и волки ловятся капканами и колодцами (родъ гильотины, придавливающей зайца на приманѣ); норки и выдры добываются ловушками изъ прутьевъ тальника въ родѣ вершей, называемыхъ «морями». Промыселъ на крупнаго звѣря: оленя, лося и медвѣдя производится съ ружьемъ и, отчасти съ рогатиной, преимущественно по глубокому снѣгу, на лыжахъ, когда первые вагаиваются и добываются самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, а послѣдній убивается на берлогѣ; охота на медвѣдя совершается артеллю отъ 5—10 человекъ на паяхъ или продажей промышленникомъ выслѣженного и обойденнаго звѣря на сторону, т. е. охотникамъ-любителямъ.

Цѣны на звѣриныя шкуры въ сыромъ видѣ существуютъ слѣдующія: бѣлки отъ 7—12 к., заяца отъ 10—15 к., куницы отъ 4—5 р., волка и лисицы отъ 2—3 р., норки и выдры до 7 р., рыси отъ 7—10 р., оленя отъ 1 р. 50 к. до 2 р. и лося до 6 р.; кромѣ того мясо ихъ продается копейки по 2 за фунтъ, а медвѣда, считая съ саломъ, до 10 р. за штуку при продажѣ послѣдняго на берлогѣ постороннимъ охотникамъ выручается вдвое болѣе. Сбытъ звѣринныхъ шкуръ совершается сырымъ черезъ особыхъ торгашей, прибывающихъ на мѣсто изъ ветлужскаго края и изъ села Ватра-

са васьскаго уѣзда. Заяць покупается цѣликомъ и снимается тутъ-же, для продажи мяса чувашамъ и черемисамъ, а шкура бѣлая преимущественно отправляется въ г. Арзамасъ для выдѣлки въ мѣха.

Лось и олень составляютъ самую прибыльную добычу, потому что шкура идетъ въ продажу, а мясо или употребляется въ пищу самими промышленниками, или поступаетъ также въ продажу; шкуры лоса и оленя выдѣлываются въ замшу для рукавиць, (въ селѣ Тубанавкѣ васьскаго уѣзда), которыя сбываются на нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько подробнѣе о водящейся въ нижегородской губерніи дичи.

Лось. Въ тридцатыхъ годахъ нижегородская губернія еще изобиловала звѣрями; имѣла отчасти оленей по окраинамъ лѣсныхъ сѣверныхъ уѣздовъ и какъ рѣдкость—лосей *). Впродолженіи-же послѣднихъ 15 лѣтъ, лось, составлявшій прежде рѣдкость, сдѣ-

*) Оленей было въ нижегородской губерніи достаточно даже въ концѣ сороковыхъ годовъ, что можно заключить на основаніи одной замѣтки, начаточной въ «Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ» въ 1849 году, въ которой говорится, что крестьяне сѣменовскаго уѣзда рѣдкую зиму не ловятъ оленей. Что касается лоса, то дѣйствительно прежде это былъ крайне рѣдкій гость въ нагорной сторонѣ губерніи. Вотъ, что говорить та-же вышеупомянутая замѣтка «Ниж. Губ. Вѣдомостей»: Давно уже поговаривали, что въ лѣсахъ муромскихъ и саровскихъ водятся лоси, но не запомятъ, чтобы гдѣ нибудь убили этого звѣря. Неясные слухи о лосѣ въ ардатовскомъ уѣздѣ были таковы-же какъ и рассказы о буйлѣ: нивъ не вѣрили и слыло увѣрили, что никакъ не можетъ этотъ сѣверный звѣрь жить на югъ отъ Волги. Еще пропозаго (1848) года замѣчаны были слѣды лоса въ ардатовскомъ уѣздѣ, въ страши муромскихъ лѣсовъ, между селами Теплымъ и Кузубаками. Въ февралѣ замѣтили такіе же слѣды въ лѣсныхъ дачахъ села Кавлей: 15 сутокъ кавлейскіе крестьяне непрерывно преслѣдовали звѣря и 22 февраля убили его: убитый лось-самецъ имѣлъ ростъ отъ холки до оконечности переднихъ копытъ 2 арш., 4 вершка, а длину отъ конца морды до оконечности вытанутыхъ заднихъ ногъ 4 аршина съ половиною» («Ниж. Губ. Вѣдомости», № 14, отъ 9 марта 1849 года).—Здѣсь-же кстати приведемъ выписки и изъ замѣтокъ «Ниж. Губ. Вѣдомостей» о *буйлѣ* и *бобрѣхъ*: «Въ вятишней нижегородской губерніи, говорятъ «Вѣдомости», бобры водились по рѣкѣ Сурѣ и въ заволжской сторонѣ. Сурскіе бобровые гоны еще въ 1893 году были отданы нижегородскому благовѣщенскому монастырю великимъ княземъ нижегородскимъ Борисомъ Константиновичемъ (см. «Акты арх. эксп.» II, № 12). Бобровая лова въ заволжской части нижегородской губерніи существовала до XVII столѣтія. На листкѣ найденной въ бумагахъ балахнинскаго уѣзднаго суда, тетради подъ заглавіемъ: «Книги Приходные при воеводѣ Максимѣ Григорьевичѣ да при стольникѣ Данилѣ Максимовичѣ Ртищевыхъ 191 (1683) и прошлыхъ лѣтъ», сказано: «Съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ и озеръ и съ *бобровыхъ ловель* Заузовскіе Волости на всѣхъ крестьянахъ донять на 186 годѣ 4 алтына, а на 187, и на 189, и на 190 годѣ взять по 14 р., по 3 алтына, по 1 деньгъ на годъ»; тамъ-же, на оборотѣ 18 листка: «Съ рыбныхъ ловель и съ *бобровыхъ ловель* и т. д. Мы слышали, будто въ сѣверо-восточной части нижегородской губерніи, на границахъ макарьевскаго уѣзда съ губерніями казанской и вятской, по рѣкамъ, впадающимъ въ Ветдугу, бобры водятся и до сихъ поръ. Желательно было-бы отъ мѣстныхъ жителей получить болѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія объ остаткахъ боброваго общества». («Ниж. Губ. Вѣдомости», № 19, отъ 9 марта 1846 года). Возвращаясь ровно черезъ 3 года къ тому-же предмету, «Ниж. Губ. Вѣдомо-

лазся самымъ обыкновеннымъ явленіемъ во всей губерніи. Лоси въ нижегородской губерніи держались прежде единственно въ заволжской части макарьевскаго уѣзда, въ лѣсахъ и болотахъ по рѣкѣ Ветлугѣ и ея притокамъ и въ смежной мѣстности семеновскаго уѣзда, по рѣкѣ Керженцу; въ прочихъ же уѣздахъ, хотя и лѣсныхъ, въ томъ числѣ въ балахнинскомъ (сосѣднимъ съ семеновскимъ), о нихъ не было и слуха. Лѣтъ 25 тому назадъ показался лось въ балахнинскомъ уѣздѣ, лежащемъ между Волгой и Окой и граничащемъ на протяженіи 60—80 верстъ съ владимірской губерніей; эта лѣсная мѣстность, перерѣзанная множествомъ болотъ, рѣчекъ и озеръ, представляетъ въ настоящее время совершенный лосинный садокъ. Соответственно размноженію лосей они стали показываться и въ прочихъ уѣздахъ нашей губерніи; такъ въ пятидесятыхъ годахъ крестьяне горбатовскаго уѣзда, деревень, расположенныхъ въ 10—15 верстахъ отъ лѣсной мѣстности по рѣкѣ Сережѣ, загнали двухъ невиданныхъ ими звѣрей, бродившихъ по ржанымъ хлѣбамъ; въ послѣдующее время свѣдѣнія о видѣнныхъ и убиваемыхъ лосяхъ съ каждымъ годомъ становятся все чаще и чаще; теперь нѣтъ ни одного, болѣе или менѣе лѣсного уголка въ губерніи, гдѣ-бы лось не заявлялъ о своемъ пребываніи. на 9 верстѣ отъ Нижняго-Новгорода,

ствѣ въ 1849 году продолжали: «Когда-то говорили мы въ нашей газетѣ о бобрахъ въ нижегородской губерніи, гдѣ доказывали, что въ здѣшнемъ краѣ дожились въ XVII столѣтіи бобры, ушедшіе теперь въ Камчатку и даже въ Калифорнію. Тогда-же говорили мы, что охотники рассказываютъ, будто въ лѣсныхъ пространствахъ нижегородскаго Заволжья, въ тѣхъ дѣтственныхъ дебряхъ, гдѣ еще не раздавались удары топора, бобры сохранились до сихъ поръ. Въ этихъ-же лѣсахъ (въ Лыковщинѣ семеновскаго уѣзда) время отъ времени видать звѣря, особаго страннаго вида, котораго видки зовутъ *буиломъ*, а иногда *дикой коровой*. Этотъ быкъ съ гривой, а тотъ быстрый на бѣгу буило, не есть-ли туръ или зубръ? Известно, что въ старину зубры водились во всѣхъ лѣсныхъ пространствахъ европейской Россіи и нѣтъ никакого повода утверждать, что эта рѣдкая порода могла сохраниться только въ одной Вѣловѣжской пущѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ семеновскомъ уѣздѣ, говорятъ, продавали выдѣланную шкуру буила, но кому досталась она—неизвестно. Выпущенно (1848—1849 гг.) зимою снова пошелъ слухъ, будто видѣли буила въ Лыковщинѣ. Запомнимъ, что напросно нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ странный звѣрь есть лось. Крестьяне семеновскаго уѣзда хорошо знаютъ и лосей и оленей и все таки говорятъ, что буило есть особый звѣрь—«ровно корова съ мехнатою гривой и бѣгаетъ шибче лося». Желательно-бы было узнать подробности объ этомъ животномъ. Можетъ быть счастливымъ случай и доставитъ возможность этого, случай, подобный тому, какой былъ 22 февраля мѣсячнаго (1849 г.) въ ардатовскомъ уѣздѣ» («Ниж. Губ. Вѣдомости», № 14, отъ 9 марта 1849 года). Далѣе идетъ уже вышеприведенный рассказъ о поимкѣ въ ардатовскомъ уѣздѣ лося въ февралѣ 1849 года.—Съ своей стороны мы ничего не прибавляемъ, такъ какъ настоящій предметъ намъ вовсе не знакомъ; замѣтимъ развѣ, что графъ Толстой въ брошюрахъ своихъ, когда-то пошукѣвшихъ, положительное отвергаетъ всякую возможность существованія въ семеновскомъ уѣздѣ зубровъ («Заволжскіе очерки, практическіе взгляды и рассказы», графа Н. С. Толстого, Москва, 1857).—Ред.

по дорогѣ въ Арзамасъ, четвертую уже весну видятъ по два и по три лося, пасущихся въ лѣсу гористаго берега р. Оки; весной 1872 г., во время ледохода, между городомъ и ярмаркою, изловили одного лося, плившаго черезъ рѣку, а въ двухъ верстахъ отъ города, около села Высокова, застрѣлили двоихъ лосей. Изъ этихъ достовѣрныхъ фактовъ можно видѣть не только то обстоятельство, что лось въ нижегородской губерніи доходитъ до р. Волги, но что онъ искрещиваетъ ее по всѣмъ направленіямъ, переплывая и Волгу. Причину появленія звѣря на правомъ берегу нижегородской губерніи я вижу въ вырубкѣ и разработкѣ лѣсовъ. Не берусь указать время, съ котораго началось это безпощадное истребленіе пограничныхъ намъ костромскихъ и вятскихъ лѣсовъ, но по всей вѣроятности, съ нимъ совпадаетъ періодъ увеличенія числа лосей въ нижегородской губерніи; усиленное истребленіе нашихъ лѣсовъ въ заволжскомъ краѣ—на Ветлугѣ и Керженцѣ и въ другихъ дачахъ, служить причиной дальнѣйшихъ передвиженій звѣря къ югу, и наконецъ уничтоженіе лѣсовъ въ балахнинскомъ уѣздѣ вѣроятно заставляетъ его искать болѣе спокойнаго пристанища въ нагорныхъ уѣздахъ, гдѣ, къ сожалѣнію, будущее его еще менѣе прочно.

Что касается способовъ охоты и промысла, могу сказать, что къ нимъ можно отнести выѣзды членовъ нижегородскаго общества охоты на лосей съ облавою; другихъ способовъ, за исключеніемъ практикуемыхъ нѣсколькими одиночными охотниками, отыскивающими или подстерегающими, лося на извѣстныхъ мѣстахъ (на водоѣхъ, на стбищѣ и проч.), не существуетъ; промыселъ-же крестьянъ заключается въ загавиваніи лося по снѣгамъ, преимущественно по насту, въ мартѣ мѣсяцѣ, на лыжахъ. Каждый лѣсеникъ, отправляясь по мѣстному выраженію—«лѣсовать» за бѣлкой, норкой; куницей и проч., слѣдитъ за прибыльною добычей, и найдя лося, начинаетъ гнать его, часто безъ выстрѣла, пока тотъ, проваливаясь въ снѣгу, не падаетъ наконецъ измученный и терпѣливо умираетъ подъ ударами топора или дубинки.

Сѣверный олень. Олень въ нижегородской губерніи сохранился едва-ли не на одномъ ея гербѣ, да въ народномъ преданіи объ ильинѣ днѣ, съ котораго будто-бы «холодаетъ вода, потому что олень выкупался»; время, которое я брать основаніемъ въ разсказѣ о лосѣ, дѣйствительно сопровождалось существованіемъ оленей.

въ указанныхъ мѣстностяхъ; но теперь заволженія лѣсныя болота посѣщаются оленемъ болѣе временно, такъ что по р. Керженцу и въ ветлужскомъ краѣ онъ попадаетъ очень рѣдко. Въ прилежащихъ къ этимъ мѣстамъ уѣздахъ костремской и вятской губерній, по всей вѣроятности, олень держится еще въ значительномъ количествѣ; такъ въ 1868 г. поѣздка туда одного охотника-нижегорода вознаградилась добычей 12 или 14 оленей, изъ которыхъ и лично имѣлъ случай видѣть 8 (убитыхъ). Способъ промысла тотъ же, какъ и на досей.

Русаки. Русакъ держится во всѣхъ уѣздахъ нижегородской губерніи; менѣе—въ балахнинскомъ, макарьевскомъ и семеновскомъ, отсутствуя совершенно въ лѣсныхъ и болотистыхъ пространствахъ этихъ уѣздовъ и болѣе—въ нижегородскомъ и другихъ нагорныхъ и по всѣмъ безъ исключенія полевымъ и овражистымъ мѣстностямъ. Точныхъ указаній на причины размноженія русаковъ сдѣлать нельзя, потому что появленіе ихъ находится въ зависимости отъ условій, сопровождающихъ выходъ зайчатъ; впрочемъ ежегодно, въ порошу, ихъ встрѣчается еще много, и можно сказать положительно, что общаго уменьшенія русаковъ не замѣчается. Мора на зайцевъ не наблюдалось, такъ какъ опредѣленіе причинъ находимыхъ иногда въ изобиліи остатковъ костей затруднительно. Мнѣніе о перекочевкахъ существуетъ между охотниками, но справедливость его никогда не подтверждалась фактами. Тумаки, не составляя особой породы, есть помѣсь русака съ бѣлякомъ, живетъ онъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ, похожъ на русака, но короче его, крѣпче сложенъ, цвѣтъ шерсти его на груди и брюхѣ менѣе желтоватъ, цвѣтъ хребта сизовато-сѣрый. Рассказы о травлѣ тумаковъ сохранились въ нижегородской губерніи издавна, но особаго вѣроятія не заслуживаютъ. Другихъ видовъ русака, кромѣ нѣкоторой незначительной разницы въ величинѣ и цвѣтѣ шерсти, не попадалось въ губерніи. Главнымъ условіемъ перемѣны шерсти служатъ перемѣны года; весной, при настахъ, заяцъ начинаетъ «затираться» и, по мѣрѣ стаяванія снѣга, бѣлая шкура его начинаетъ сѣрѣть, а осенью, съ началомъ заморозковъ, совершается обратное измѣненіе, ускоренное появленіемъ снѣга. Раннее линянье зайца, по мнѣнію охотниковъ, признакъ ранней зимы. Началомъ теченія зайцевъ можно считать февраль мѣсяць, даже иногда конецъ января; въ среднѣ или концѣ марта является первые зайчата—«настовики»—въ маломъ количествѣ (до 2) и то рѣдко

переживающихъ холода; плодovitый пометъ второй—въ исходѣ апрѣля—до 5 зайчатъ; третій—«лѣтчики»—въ концѣ юня; четвертый—«листопадники»—въ сентябрѣ, оба необильные; еще бываетъ иногда безвременный пометъ въ октябрѣ; эти зайчата называются «ярышами». Къ мѣстнымъ способамъ охоты относятся: псовая охота, сохранившаяся въ самомъ незначительномъ количествѣ и при весьма скудной обстановкѣ и охота съ ружьемъ; промышленники занимаются ловлей капканами и колодками. Средній вѣсъ русака отъ 12 фунтовъ и наибольшій, что удавалось видѣть въ затравленныхъ—до 20 фунтовъ.

Бѣлякъ. Сказанное выше о русакѣ частью относится и къ бѣляку. Исчезновеніе бѣляка (за послѣднее, напр., десятилѣтіе) совершается до такой степени быстро, что въ не далекомъ будущемъ придется считать бѣляка за рѣдкаго звѣря; причину такого уменьшенія охотники видятъ въ истребленіи лѣсовъ и отчасти въ цѣляхъ добыванія звѣря. Прежній складъ жизни исключалъ возможность пильніи въ деревняхъ того количества ружей, какое находится нынѣ; ни повсемѣстная псовая охота, ни промышленныя цѣли одного сбыта шкуръ, непроизводили такого опустошенія, какое вызывается нынѣ, при пользованіи зайчимъ мясомъ, развишемся во многихъ слояхъ населенія. Средній вѣсъ бѣляка отъ 10 ф.; болѣе 16 ф. видѣть не случалось. Выродковъ съ уродливыми формами и особенностями въ окраскѣ не попадалось.

Выхухоль. Число выхухолей въ нижегородской губерніи значительно уменьшилось за послѣдніе 20 лѣтъ; уѣзды, лежащіе на правой нагорной сторонѣ рѣкъ Оки и Волги, не только не изобилуютъ ими нынѣ, но здѣсь даже исчезла и мелкая промышленность на этаго звѣрка. По рѣчкамъ Тешѣ, Серезѣ, Пьянѣ и ихъ притокамъ выхухоль попадаетъ весьма рѣдко; на лѣвой-же сторонѣ рѣкъ Оки и Волги, въ уѣздахъ балахнинскомъ, семеновскомъ и макарьевскомъ, по всемъ вообще лѣснымъ истокамъ, въ особенности по рѣкамъ Пырѣ и Желѣзницѣ, Линдѣ, Берженцу, Ветлугѣ и ихъ притокамъ выхухоль существуетъ еще въ достаточномъ количествѣ и для промысла. Вверхъ по Окѣ, въ граничащемъ съ владимірской губерніей горбатовскомъ уѣздѣ, выхухоль еще встрѣчается.

Бурый медвѣдь. Медвѣди въ нижегородской губерніи держатся: въ семеновскомъ уѣздѣ—въ казенной лыковской дачѣ; въ ба-

лахвинскомъ — въ чернорѣцко-козинской и желнинской казенныхъ дачахъ и въ взѣзжемъ чернораменскомъ борѣ; въ макарьевскомъ — въ корабельной воздвиженской дачѣ и въ операшской, не размежеванной; въ лукояновскомъ — въ салдаманово-майдаинской казенной дачѣ и сосѣднихъ частныхъ; въ арзамасскомъ — въ кардовильской казенной и въ ардатовскомъ уѣздѣ — въ казенныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ лѣсахъ. Наши лѣсники утверждаютъ: въ-1), что течка у медвѣдицы начинается вслѣдъ за подготовкою берлога, во второй половинѣ августа, и продолжается до конца сентября; кореннымъ временемъ течки считается *воздвиженская* недѣля; медвѣжата до-бываютъ охотники въ февраля и нерѣдко въ мартѣ; въ половинѣ же этаго мѣсяца, когда бываютъ хорошіе насты, медвѣжата настолько уже подростаютъ, что ходятъ съ матерью недалеко отъ берлоги на прогулку, лежатъ на солнцѣ и лазятъ по деревьямъ; на ночь же медвѣдица уходитъ съ ними въ берлогу. Этотъ фактъ, говорятъ лѣсники, положительно вѣрный, потому что собака скоро и легко, во время наста, отыскиваетъ медвѣжатъ; крестьяне, охотясь за куницей, у которой въ это время тоже бываетъ течка, часто натываются на медвѣдицу съ дѣтьми и вслѣдствіе особаго по этому звѣрю лая собаки, удаляются, если недостаточно вооружены, ибо медвѣдица въ это время чрезвычайно сердита; во-2), течку около петрова дня и въ іюлѣ мѣсяцѣ положительно отрицаютъ; если же бываютъ къ январю мѣсяцу медвѣжата, то это является, какъ исключеніе, весьма рѣдкое: молодая медвѣдица (т. е. трехгодовалая), а также перепустовавшая медвѣдица (по охотничьи — «шатунья», которая и не ложится до перадочнаго снѣга) скоро нагуливаютъ жиръ и потому сближаются съ самцами ранѣе — въ началѣ августа мѣсяца, и мечать дѣтей въ январѣ, такъ что случалось ихъ брать 10 и 20 апрѣля. Медвѣдица, проходившая лѣто съ перегодовальными, начиная отъ нихъ отставать, убѣгаетъ и тается, и если они находятъ ее опять, то жестоко ихъ грызетъ и тогда, отбившись въ концѣ августа мѣсяца, глухимъ ревомъ съзываетъ самцовъ, и сближается съ однимъ изъ нѣсколькихъ. Промышленники-лѣсники, проводящіе двѣ трети своей жизни на добычѣ, положительно утверждаютъ, что наткаться на медвѣжью свадьбу имъ случается только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и нарушить этотъ актъ они никогда не осмѣливаются, не только выстрѣломъ, но даже и встрѣчею глазъ на глазъ, а напротивъ иногда взбираются на деревья, такъ какъ у

медвѣдей въ это время бываетъ страшная драка, ревъ, вороченье колодника, хлопанье лапами и проч., кончающееся иногда грызкою на смерть между самцами и рваньемъ у самокъ половыхъ органовъ; въ-3), о рожденіи медвѣжатъ въ декабрѣ мѣсяцѣ лѣсники говорятъ, что самимъ имъ приходилось брать ихъ 27 декабря, но что это просто—недоносъ по какому либо случаю—болѣзни или испугу; въ особенности, когда медвѣдица тронута съ берлоги и была преслѣдуема, но потомъ залегла вновь, то часто сама понуждаетъ себя къ родамъ. Въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства приводятъ слѣдующій фактъ: однажды четверо охотниковъ подошли къ берлогѣ и когда собаки начали влзавать, медвѣдица ихъ почуяла и начала «лещавить» (родить); убивши матку, охотники взяли медвѣжатъ мокрыми. Недоноски вообще слабы и взятые послѣ матери, пищу принимаютъ не долго. Одинъ охотникъ, замѣтивъ, что медвѣдица во время возбужденія ея на берлогѣ начинаетъ родить, тотчасъ оставилъ ее до другого дня, а когда пришелъ потомъ, то взялъ троихъ дѣтей; медвѣжата также были слабы, жили не долѣе 3 мѣсяцевъ, причемъ слѣпыми оставались 18 дней, а потомъ глядѣли мутными глазами; въ-4), утверждаютъ положительно, что медвѣжата, рожденные въ срокъ, остаются слѣпыми не долѣе 12 дней; это свидѣтельствуютъ фактомъ воспитанія до 20 штукъ, взятыхъ съ берлоги послѣ 2 или 3 дней послѣ рожденія. Все здѣсь изложенное касается наиболѣе мѣстныхъ наблюденій, но относительно времени рожденія медвѣжатъ вообще говорятъ, что южнѣе нижегородской губерніи, въ егорьевскомъ уѣздѣ рязанской, одному изъ охотниковъ случилось брать медвѣжатъ также въ январѣ и февралѣ, но не въ декабрѣ мѣсяцѣ. Въ отношеніи цвѣта шерсти говорятъ, что въ губерніяхъ нижегородской, костромской и вятской преимущественно встрѣчаются медвѣди бураго цвѣта, рѣже—чернаго и то самцы; самокъ-же черныхъ видѣть некогда никому не случилось. Черный медвѣдь перекочевываетъ чрезъ сосѣднія губерніи съ отроговъ уральскихъ горъ, вслѣдствіе продолжительности тамъ зимы, затрудняющей срокъ спячки. Находить у медвѣдицы по одному медвѣжонку никогда не случилось. Самка воспитываетъ дѣтенышей одна, въ продолженіи цѣлаго періода, т. е. до слѣдующей течки и зиму проводитъ въ одной съ ними берлогѣ. Съ наступленіемъ новой течки самка, какъ сказано, отбивается отъ дѣтей, бросаетъ ихъ и иногда загрызаетъ молодыхъ, отстающихъ отъ нея; пзъ оставшихъ,

перегородчатые самцы, при отыскании матери на слѣдующую весну съ новыми дѣтьми, нападаютъ иногда къ ней въ качествѣ пестуновъ послѣднихъ, такъ что семья увеличивается однимъ полуторникомъ. Молодые гулиются на третьемъ году; при течкѣ случается, что самецъ, при отказахъ самки, загрызаетъ ее. Чѣмъ болѣе самецъ по величинѣ, тѣмъ скорѣе ложится на зимовку, потому что скорѣе бросаетъ ходить за самкой; ложится же на зимовку всякій медвѣдь при пустотѣ желудка, а сытый имѣетъ отъ берлоги «отлежку» на 50—100 сажень, куда и ходить испражняться, до той поры, пока не очистится желудокъ. Желудокъ медвѣдя-самца, убитаго съ берлоги, всегда оказывался совершенно пустымъ; нечистоты, въ самомъ незначительномъ количествѣ, остаются въ проходномъ каналѣ; у самки же нечистоты болѣе, потому что она вообще жирнѣе. Дѣти у той же самки, питаея молокомъ, часто высасываютъ его съ кровью, что доказываютъ кровяные слѣды на вымени; у матки жирной молоко густое, желтоватое. Самецъ лежитъ въ берлогѣ болѣе открытой, нежели берлога самки; случалось находить медвѣдя, на берлогѣ не въ лежачемъ, а въ сидячемъ, прислоненномъ положеніи.

Способы охоты на медвѣдя въ нижегородской губерніи бывають преимущественно съ ружьемъ и рогатиной на берлогѣ; случается стрѣльба на овсы или падали; промышленники употребляютъ напканы, которые ставятся не столько на тропкахъ, сколько на верху улья («кузова», по мѣстному выраженію), находящагося на деревѣ, такъ какъ медвѣдь, при отысканіи меда, старается сдвинуть кузовъ съ дерева, задѣвая его лапою съ верху.

Росомаха. Звѣрь этотъ между нашими охотниками-промысловниками лѣсной мѣстности семеновскаго и макарьевскаго уѣздовъ, извѣстенъ только по слуху; такъ въ 1872 году, около рѣчекъ Керженца и Бугая, была случайно убита (на тропѣ) росомаха, и въ опредѣленіи ея крестьяне весьма затруднялись.

Соболь. Тоже самое можно сказать о соболяхъ, существованіе котораго въ нижегородской губерніи настоящее поколѣніе не помнить.

Куница. Куница въ нижегородской губерніи водится въ значительномъ количествѣ по всѣмъ лѣсамъ лукояновскаго, арзамасскаго, ардатовскаго, горбатовскаго, балахнинскаго, семеновскаго, макарьевскаго и васильскаго уѣздовъ и составляетъ доселѣ предметъ промысла.

Къ мѣстнымъ способамъ охоты и промысла относятся капканы, колодки и преимущественно отыскиваніе звѣря съ собакою, для стрѣльбы изъ ружья или простой ловли руками. Куница-бѣлодушка, то отзыву охотниковъ, попадаетъ въ такомъ-же количествѣ и въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, какъ лѣсная куница. Вообще всякая куница держится болѣе въ валежникѣ и въ дуплахъ старыхъ деревьевъ; за-частую, говорятъ, попадаетъ куница совершенно бѣлаго цвѣта, какъ бѣлая-заяць. Цѣнятся бѣлодушка въ половину дешевле лѣсной.

Хорекъ. Хорьковъ въ нижегородской губерніи довольно много. Они часто водятся близъ самаго жилья, такъ какъ любятъ истреблять курицъ и проч. домашнихъ птицъ.

Горностай. Уменьшеніе горностая въ нижегородской губерніи началось болѣе 30 лѣтъ тому назадъ и шло такъ быстро, что въ послѣднія 10—15 лѣтъ уничтожился на него и самый промыселъ. Ловля этаго звѣрка заключалась въ постановкѣ особо-устанавливаемыхъ ловушекъ съ волосяными силками внутри, а также колодкама.

Ласка. Также, какъ хорекъ, ласка держится преимущественно вблизи жилыхъ строеній: обветшалыя, оставленныя помѣщенія, кирпичные сараи и проч. составляютъ любимое ея мѣстопробываніе.

Норка. Во всѣхъ лѣсныхъ уѣздахъ губерніи, по рѣчкамъ и озерамъ, норка находится въ значительномъ количествѣ и составляетъ предметъ промысла жителей; въ балахнинскомъ уѣздѣ по рѣчкамъ Пырѣ, Желѣзницѣ и др. и въ семеновскомъ и макарьевскомъ — по рѣкамъ Керженцу, Ветлугѣ, Устѣ и ихъ притокамъ, норка ловится въ большомъ количествѣ. Для ловли употребляютъ плетенныя изъ прутьевъ тальника ловушки, называемыя, какъ уже выше сказано, мордами; отчасти стрѣляютъ норку изъ ружья.

Выдра. Въ настоящее время выдра встрѣчается въ самомъ незначительномъ количествѣ, въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и норка; ее стрѣляютъ, при случаѣ, изъ ружья.

Волкъ. Говоря о волкѣ, не знаешь, чему удивляться болѣе — смѣлости-ли этаго звѣря, или равнодушію сельскаго населенія, съ которымъ оно смотритъ на его хищничество и терпѣливо переноситъ опустошенія въ быту хозяйства, а иногда и гибель самого человѣка. Конечно, по счастливой для него натурѣ, волкъ не вы-

зываетъ особаго желанія къ настоящему его преслѣдованію, сравнительно, напр., съ другими, или цѣнными по шкурѣ, или пригодными для питанія, звѣрьми; но главнѣе всего трудность охоты ставитъ хитраго и сильнаго хищника въ исключительно выгодное для него положеніе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ способовъ охоты на волка, каковы волчьи ямы, стрѣльба на привадѣ и на поросенка, даже простое истребленіе посредствомъ отравы, почти не доступны въ крестьянскомъ быту, какъ способы, требующіе большей или меньшей денежной затраты; не говорю уже объ охотѣ съ облавой или со стаей гончихъ и съ борзыми, положительно для крестьянина невозможныхъ. Остается единственный способъ (разумно запрещенный закономъ)—постановка капкановъ; но и онъ выводится изъ употребленія, такъ что теперь, за превращеніемъ помѣщичьихъ охотъ, для волка наступила пора полной безнаказанности. Увеличеніе волковъ можно сказать повсемѣстное, на столько значительно, что вызываетъ весьма серьезныя заботы со стороны земства къ принятію положительныхъ, неотложныхъ мѣръ противъ столь вреднаго звѣря.

Одному охотнику случилось видѣть у чернаго выродка (убитаго въ 1872 г. въ семеновскомъ уѣздѣ), не только желтыя пятна надъ глазами, какъ у гончей, но продолговатыя надъ ними полосы, придающія видъ очковъ желтоватаго цвѣта.

О времени появленія бѣшеныхъ волковъ точныхъ замѣчаній мнѣ не извѣстно; эти случаи весьма рѣдки; вообще нужно полагать, что весною, въ особенности при быстромъ переходѣ температуры къ жару, и поздней осенью, передъ началомъ течки, бѣшенство волковъ случается чаще.

Лисица. Лисицъ въ нижегородской губерніи довольно много, но цѣнные сорта рѣдки; по преимуществу попадаются *сиводушки*. Промышленности исключительно за лисицами не существуетъ; попадаютъ они въ капканы, разставляемые для прочихъ звѣрей; вынимаютъ лисицъ и изъ норъ, молодыми. При псовыхъ охотахъ, существующихъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, весьма часто травятъ лисицъ борзыми; на ружейный выстрѣлъ лисица падаетъ изрѣдка.

Рысь. Рысь встрѣчается очень рѣдко въ нижегородской губерніи—въ уѣздахъ семеновскомъ и макарьевскомъ. Впродолженіи 25 лѣтъ, по слухамъ, было убито лишь нѣсколько штукъ, но всѣ они болѣе или менѣе разнаго вида, какъ по шерсти, такъ и по

величинѣ; инья свѣтлѣе, на другихъ пятна крупнѣе и темнѣе. Попадалась рысь большею частью въ напканы. Что касается псовыхъ охотъ, то по справедливости слѣдуетъ замѣтить, что породистыхъ собакъ для охоты съ ружьемъ въ губерніи не существуетъ: за исчезновеніемъ породъ лягавыхъ (маркловскихъ, пушкинскихъ и др.) наши охотники преимущественно держатъ сетеровъ и отчасти pointerовъ, но кровей не замѣчательныхъ; борзья-же кровныя собаки сохранились еще у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, какъ, напр., въ нижегородскомъ уѣздѣ у г. Тавкелева, въ арзамасскомъ—у г. Ермолова, въ сергачскомъ—у гг. Приклонскаго и Бобождова и у др. Изъ псовыхъ охотъ (въ большинствѣ случаевъ на подобіе мелко-травчатыхъ) можетъ быть упомянуто о двухъ-трехъ, гдѣ есть и борзья, и гончія; болѣе-же самостоятельную, по количеству и обстановкѣ, должна быть названа охота барона Розена въ арзамасскомъ уѣздѣ.

Взаключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ организаціи охоты въ Россіи. Вопросъ объ охотѣ, въ современномъ своемъ положеніи, является настолько живымъ, что подумать о немъ серьезно, съ точки зрѣнія не одной забавы, положительно необходимо. Какъ-бы ни былъ великъ запасъ предметовъ охоты, онъ не въ силахъ удовлетворять размѣрамъ требованія. Съ другой стороны, уменьшеніе дичи и полезнаго звѣря, находясь въ прямой зависимости отъ развитія лѣсной промышленности и другихъ условій сельскаго хозяйства, прогрессируется безпощаднымъ истребленіемъ ихъ не въ свое время, для промышленныхъ и другихъ цѣлей, а со стороны хищниковъ—громаднымъ уничтоженіемъ вообще питательнаго продукта. Это несвоевременное добываніе, равносильное хищничеству, и вмѣстѣ съ нимъ взятое, такъ вредно отзывается на народномъ хозяйствѣ, что заботы о сбереженіи дичи и звѣря становятся въ ряду прочихъ вопросовъ экономическаго быта. Между тѣмъ у насъ не существуетъ никакихъ преградъ ни корыстнымъ цѣлямъ промышленника, ни алчнымъ стремленіямъ неразумнаго охотника, а уничтоженіе хищниковъ ничѣмъ не поддерживается. Кромѣ того безнаказанность послѣднихъ, достигая крайнихъ предѣловъ, доводитъ сельское населеніе до громадныхъ убытковъ истребленіемъ домашнихъ животныхъ и птицъ, и даже подвергаетъ весьма часто опасеніямъ самую жизнь человѣка.

Такимъ образомъ, придавая широкій смыслъ предмету, о ко-

торомъ идетъ рѣчь и возводя понятіе объ охотѣ на степень значенія народной потребности, я прихожу къ тому убѣжденію, что настала совершенная необходимость въ изданіи подробныхъ и самостоятельныхъ узаконеній объ охотѣ, и въ учрежденіи при земствѣ, отдѣльнаго, по этой отрасли хозяйства, управленія. Участіе правительства тѣмъ неизбѣжнѣе, что у насъ идея объ охотѣ, развивая вопросы ея, уклоняется отъ прямого разрѣшенія, преслѣдуя больше цѣли удовольствія; такъ предметъ этотъ затронуть въ литературѣ, такъ отражается онъ въ существующихъ и возникающихъ охотничьихъ кружкахъ или обществахъ; хозяинъ дѣла, т. е. земство остается къ нему равнодушнѣе прежняго. Въ настоящей замѣткѣ приведу тѣ основанія, которыя кажутся мнѣ цѣлесообразными и на которыя указываетъ собственный опытъ и которыя требуютъ настоятельнаго разрѣшенія.

1. Ограниченіе промысловъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и совершенное ихъ запрещеніе.

2. Уменьшеніе числа охотниковъ, стрѣляющихъ для одной забавы, по всякой дичи безразлично и во всякое время года.

3. Истребленіе хищниковъ.

Потребность въ составленіи свода правилъ объ охотѣ не подлежитъ сомнѣнію. Учрежденіе обществъ охоты принесетъ несомнѣнную пользу распространеніемъ правильнаго взгляда на дѣло охоты, въ особенности если-бы на эти общества возложена была отвѣтственная обязанность надзора за охотой, въ связи съ вопросомъ о правѣ имѣть оружіе и снаряды для охоты *). Заботы объ истребленіи хищниковъ всецѣло должны быть возложены на эти учрежденія.

Указывая на налогъ, какъ на мѣру необходимую и рационально полезную, я имѣю въ виду, что опредѣленіе предметовъ, подлежащихъ обложенію (оружіе и снаряды, принадлежности—сѣти, собаки и проч.) и самый размѣръ платы, должны быть предоставлены губернскому земскому собранію, которое и утверждаетъ на извѣстные сроки подробную таксу. Такса эта можетъ быть различна, какъ по отношенію къ мѣстности, такъ и относительно городского и сельскаго населенія; самая-же денежная плата можетъ быть замѣняема представленіемъ вещественныхъ доказательствъ уни-

*) Понятно, что многое зависитъ отъ подробностей примѣненія извѣстнаго принципа, и потому конечно осуществленіе мысли автора вполне желательно, если только общества охоты, хотя-бы и регулируемыя въ своихъ дѣйствіяхъ до нѣкоторой степени земскими собраніями, не сдѣлаются государствомъ въ государствѣ.—Ред.

чтоженія хищниковъ, каковы: уши и хвостъ звѣря, клювъ и лапы хищной птицы. Это обстоятельство успѣшнѣе всего можетъ повліять на перенесеніе цѣли промышленника отъ добыванія полезнаго продукта на истребленіе хищниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить устраненіемъ той тягости, которая должна отозваться въ народѣ при запрещеніи охотничьихъ промысловъ. Что-же касается земскихъ обществъ охотъ, то не вдаваясь въ подробности, я полагаю, что отъ уѣздныхъ земскихъ собраній обязательно было-бы назначеніе членовъ (агентовъ) въ такія общества (не менѣе одного отъ cadaго собранія), затѣмъ, чтобы общество пользовалось извѣстною самостоятельностью и наконецъ, чтобы управленіе общества подчинялось контролю губернскаго земскаго собранія; по отношенію къ прямому своему призванію—охотѣ—общество должно находиться въ вѣдѣніи егермейстерскаго вѣдомства.

Д. А. Саламыковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ВЪ ИЗУЧЕНІИ ВОПРОСОВЪ ПРОМЫШЛЕННАГО ОХОТНИЧЬЕГО

УЧЕБ.

